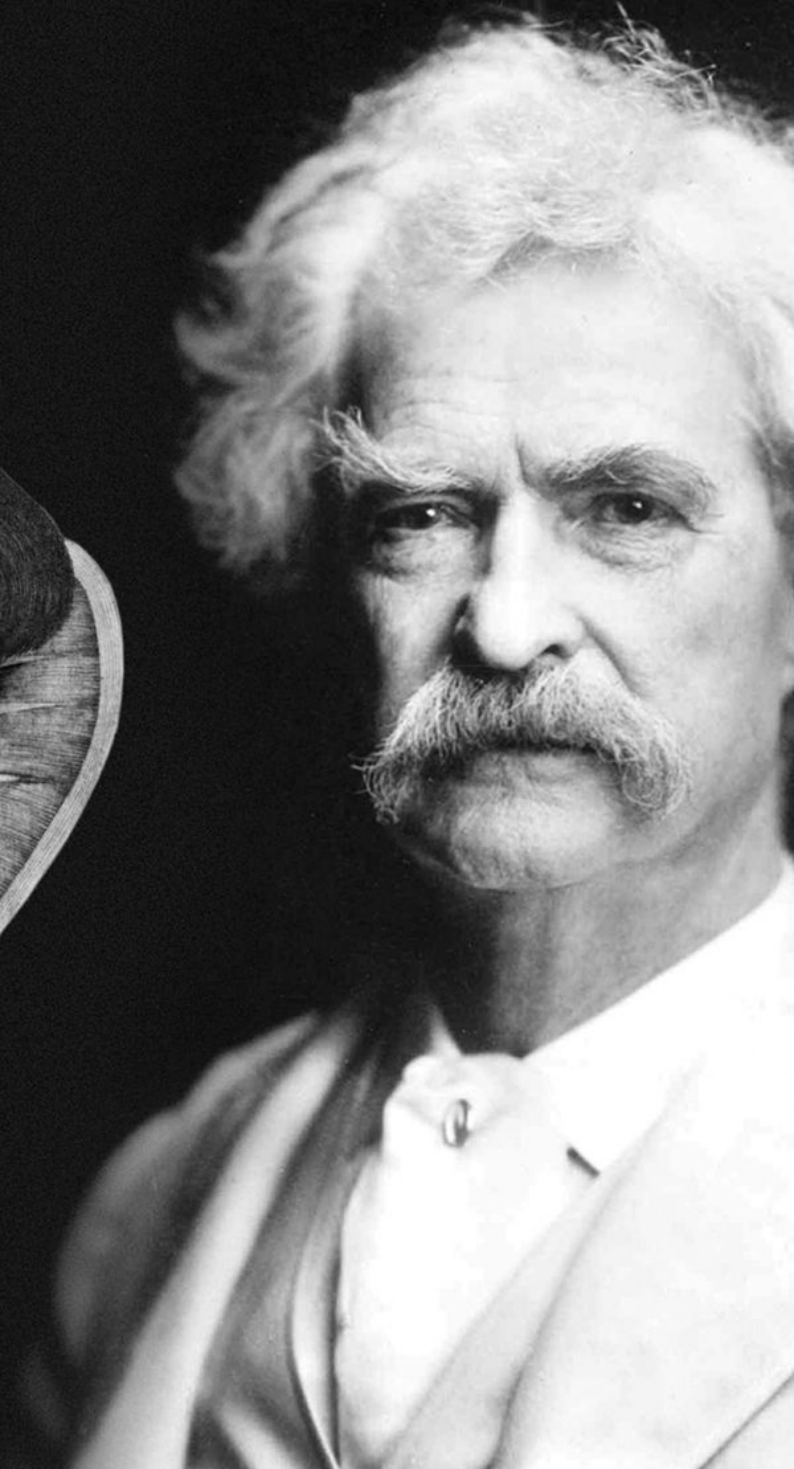

МАРК ТВЕН

Умер ли Шейкспир?

Марк Твен

Умер ли Шейкспир?

«Издательские решения»

Твен М.

Умер ли Шейкспир? / М. Твен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748394-4

Перед вами уникальное издание. Существование работы «Умер ли Шейкспир?» по понятным причинам замалчивают не только сторонники мифа о Шекспире из Стратфорда, но и библиографы... самого Марка Твена. Почему? Об этом вы узнаете, прочитав последнюю работу знаменитого автора «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна», а также несколько не менее увлекательных эссе на ту же тему.

ISBN 978-5-44-748394-4

© Твен М.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Умер ли Шейкспир?	9
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Умер ли Шейкспир?

Марк Твен

Переводчик Кирилл Шатилов

Фотограф Кирилл Шатилов

Иллюстратор Кирилл Шатилов

© Марк Твен, 2018

© Кирилл Шатилов, перевод, 2018

© Кирилл Шатилов, фотографии, 2018

© Кирилл Шатилов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-8394-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь глазам своим.
(Козьма Прутков)

Зри в корень!
(Козьма Прутков)

Родился всенародно почитаемый на Руси лирик и остролов Козьма Петрович Прутков 11 апреля не то 1803, не то 1801 года в деревне Тентелевой неподалеку от города Сольвычегорска, что в нынешнем Котласском районе Архангельской области. Имел хуторок вблизи железнодорожной станции Саблино. Уже сделавшись известным литератором, опубликовал рукописи деда, озаглавив их «Исторические материалы Федота Кузьмича Пруткова», в предисловии к которым пояснил: «Весь мой род занимался литературою». Отец писателя, Пётр Федотыч, действительно, даже оперетту сочинил – «Черепослов, сиречь Френолог». Женой на 25 году его жизни стала Антонина Платоновна Проклеветанова, с которой он прижил множество детей, из коих в живых осталось 4 дочери и 6 сыновей. Проживал в Петербурге в казённой – восемнадцатикомнатной – квартире в доме №28 на улице Казанской. Служил недалеко – в Пробринной Палатке Горного департамента министерства финансов. Умер там же, в Петербурге, 13 января 1863 года в 2 часа и три четверти.

Кроме приведённых в эпиграфе изречений, Козьма Прутков является автором расхожих мудростей, которые многими сегодня воспринимаются народными: «Не объять необъятное», «Бди»!, «Единожды солгавши, кто тебе поверит», «Хочешь быть счастливым, будь им», «Что имеем, не храним, потерявши – плачем», «Век живи, век учись» и т. д. и т. п.

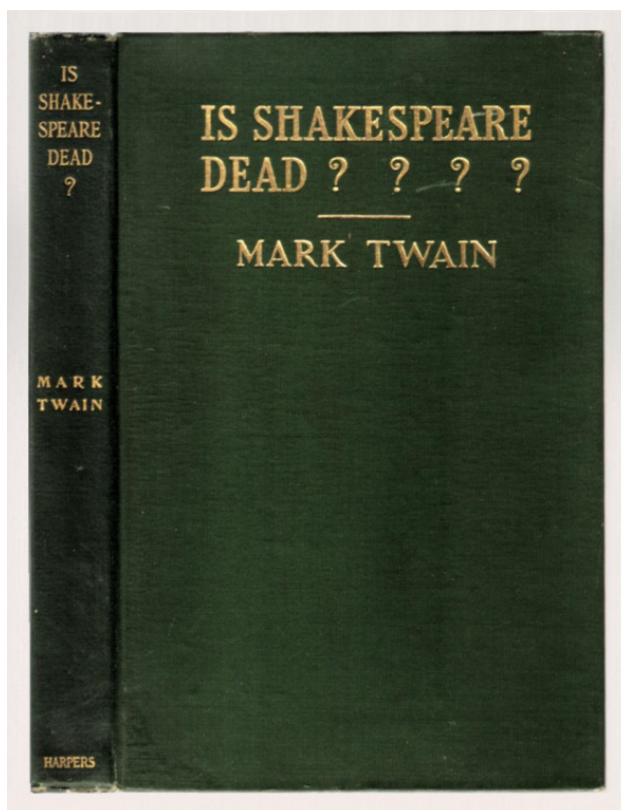
И всё было бы хорошо, и в дом 28 по Казанской улице сегодня стояли бы очереди туристов, как в дом Шейкспира в Стратфорде-на-Эйвоне, и диссертации бы по его творчеству писали, и фильмы бы о нём снимали, и чего бы только ни делали, если бы Козьма Петрович Прутков не был бы... литературной маской. Не существовало такого. Не родился, не жил и не умер. А был просто-напросто придуман талантом таких литераторов, как Алексей Константинович Толстой, рано умерший штабс-капитан Александр Аммосов да три брата Жемчужниковы – Алексей, Владимир и Александр.

Если бы вышеупомянутые шутники и пародисты (а образ Пруткова замышлялся ими как пародия на тупость тогдашнего... всегдашнего... напыщенного чиновничества) промолчали и не признались в своём долгом и весьма плодovitом розыгрыше ни о чём, как всегда, не подозревающей публики, кто знает, возможно, на небосводе русской литературы до сих пор горела, не затухая, звезда по имени Козьма Петрович, а наши с вами дети так же скудно и неряшливо знакомились с его творчеством, как знакомятся они сегодня с творчеством Пушкина, Лермонтова и Толстого.

На «литературную маску» Пруткова я отвлёкся, разумеется, неспроста, а лишь затем, чтобы подвести вас, любознательный читатель, к вопросу «А был ли Шейкспир?» или, как задал его Марк Твен – «Умер ли Шейкспир?».

Автор «Тома Сойера», «Гекльберри Финна», «Принца и нищего», полагаю, в отдельном представлении не нуждается. Иначе вы бы сейчас не держали в руках эту книгу. Другое дело, одно из его последних произведений (фактически, последнее опубликованное при жизни), посвящённое весьма важной в мировой литературе загадке: кто же на самом деле писал знаменитые драмы и сонеты, и чьё имя чаще всего оказывалось на обложках вышедших из печати

произведений в виде SHAKE-SPEARE или даже SHAKESPEARES. Своими размышлениями по этому поводу я поделюсь с вами в Приложении.

Обложка прижизненного издания «Умер ли Шейкспир?», 1909

Что же касается Марка Твена, то он в своём эссе чётко следует одной из главных заповедей Козьмы Пруtkова – зреть в корень. Если у вас до сих пор были хоть малейшие сомнения по поводу правоты или ошибочности сторонников теории происхождения Уильяма Шейкспира из Стратфорда-на-Эйвоне, то по прочтении этой книги вы вместе с её авторами неминуемо придёте к выводу, что «тот самый» Шейкспир автором почитаемых во всём англоязычном, и не только, мире произведений быть не мог ну никак.

Я не стану навязывать вам собственного мнения по поводу того, кто же на самом деле мог скрываться под «литературной маской» Шейкспира, тем более что я сторонник не одного автора, а нескольких, что объясняет и многогранность таланта, и эрудицию, и различия в стиле. Обращу ваше внимание лишь на основные моменты настоящего издания, чтобы упрощить понимание некоторых существенных, на мой взгляд, деталей.

Во-первых, вы уже наверняка заметили, что фамилию знаменитого англичанина я пишу не в общепризнанной у нас манере – Шекспир, а так, как её принято произносить во всём англоязычном сообществе – Шейкспир. Для меня (и для установления истины) это принципиально, поскольку Шекспиром (а если быть совсем точным, то Шакспиром) звался как раз тот ростовщик, которого канонизировали в Стратфорде. Его фамилия в разных вариантах написания выглядела так: *Shakp*, *Shaksper*, *Shakspe*, *Shakspere*, *Shakspere*, *Shakspeare*. Автором же издававшихся книг указывался человек по фамилии *Shakespeare*, то есть Потрясающий (*shake*) Копьём (*spear*). Каковой («потрясающей копьём») была и Афина Паллада, чей образ в литературе Англии XVI века олицетворял столь угнетаемое королевой Елизаветой свободомыслие. В любом случае фамилия *Shakespeare* читается «Шейкспир». Тот, кто впервые в русской тради-

ции перевёл её без «и-краткого», вольно или невольно подыграл нынешним владельцам дома-музея в Стратфорде и прочим алчным мифотворцам.

Поэтому всякий раз, когда Марк Твен упоминает реального персонажа, никем при жизни не известного и оставившего после себя лишь несколько корявых подписей, я перевожу его фамилию Шекспир. Когда же речь идёт о настоящих авторах сонетов, «Гамлета», «Трагедии Ромео и Джульетты» и т.п., вы будете читать правильную транскрипцию – Шейкспир.

Во-вторых, в это издание я включил интересную и познавательную во всех отношениях статью ныне здравствующего профессора Джеймса Норвуда¹, который любезно дал на то своё согласие и с которым меня познакомил президент Оксфордского общества Шейкспира (*Shakespeare Oxford Fellowship*) Том Реньер (*Tom Regnier*), практикующий адвокат из Южной Флориды, много лет посвятивший вопросу авторства шейкспировских произведений. Его выступления (а он человек крайне деятельный) вы можете сами при желании найти и послушать в интернете. Материал этот не только проливает дополнительный свет на личность любимого нами с детства Марка Твена, но и далеко не лишний раз даёт понять, что сегодня во всём мире думающие люди постепенно просыпаются и всё более настойчиво начинают задаваться вопросами, которые рано или поздно разрушат очень нужные кому-то догмы, сковывающие наше мировоззрение, а вместе с ним – наши самоценные жизни и судьбы.

Читайте и думайте.

Кирилл Шатилов
Москва, 2016

---

¹ По ссылке <http://shakespeareoxfordfellowship.org/norwood-reviews-pbs-series-shakespeare-uncovered/> вы можете почитать его весьма подробный разбор недочётов документального сериала *Shakespeare Uncovered* о творческой биографии Шейкспира.

Умер ли Шейкспир?

Глава 1

В далёком будущем среди кип неопубликованных рукописей, составляющих эту мою внушительную автобиографию и дневник, то тут то там обнаружатся некоторые главы, касающиеся «Претендентов», претендентов печально знаменитых в истории: претендент – Сатана, претендент – золотой телец, претендент «ХЗоросанский пророк под вуалью», претендент – Людовик XVII, претендент – Уильям Шейкспир², претендент – Артур Ортон, претендент – Мэри Бэйкер Эдди – и все прочие. Выдающиеся претенденты, удачливые претенденты, претенденты проигравшие, королевские претенденты, претенденты-плебеи, претенденты-показушники, мелкие претенденты, претенденты почитаемые, претенденты презираемые, мерцающие подобно звёздам то здесь, то тут, то вон там среди дымки истории, легенд и преданий. . . о, вся эта шатя-братия облачёна в тайну и романтику, а мы читаем о них с глубоким интересом и обсуждаем с нежным сочувствием или со злобным негодованием в зависимости от того, к чьей стороне примыкаем. С человечеством так было всегда. Не попадалось ещё такого Претендента, который не был бы выслушан или который не смог бы собрать восторженную поддержку вне зависимости от того, насколько необоснованными и откровенно недостоверными были его притязания. Утверждение Артура Ортона о том, будто он и есть оживший исчезнувший баронет Тичборн было столь же беспочвенно, как слова миссис Эдди, мол, она написала «Науку и здоровье» под диктовку Божества; однако в Англии Ортон почти сорок лет назад имел огромную армию поклонников и безнадёжных сторонников, многие из которых тупо остаются при своём мнении после того, как их жирного божка уличили в жульничестве и посадили в тюрьму за лжесвидетельство, а сегодняшние последователи миссис Эдди не только бесчисленны, но и ежедневно продолжают прирастать количеством и энтузиазмом. Среди поборников Ортона было немало тонких и образованных умов, у миссис Эдди таковые наблюдаются изначально. Её церковь изобилует подобными личностями подстать любой другой церкви. Претенденты всегда могут рассчитывать на сторонников, и неважно, кто они и чего требуют, неважно, есть у них документы или нет. Так было всегда. Если вслушаться в бездну веков, из глубин давно исчезнувшего прошлого всё ещё донесутся многочисленные крики в поддержку Перкина Уорбека³ и Ламберга Симнела⁴.

Один друг прислал мне из Англии новую книгу, «Пересмотр проблемы Шейкспира», хорошо написанную и чётко аргументированную, и мой пятидесятилетний интерес к этому вопросу, проспавший последние три года, вновь возбудился. Интерес этот был рождён книгой Делии Бэкон в незапамятном 1857, а может и 1856 году. Год спустя мой лоцман, Биксби, перевёл меня со своего собственного парохода на «Пенсильванию» и поставил под начало Джорджа Илера, ныне давным-давно покойного. Я много месяцев провёл за его штурвалом, что входило в скромные обязанности ученика лоцмана: нёс дневную вахту и крутил колесо под неусыпным надзором и выслушивая замечания хозяина. Он был превосходным шахматистом и боготворил Шейкспира. В шахматы он был готов играть с кем угодно, даже со мной, что выходило его официальной должности несколько боком. Кроме того, хотя никто его об этом не просил, он

---

² Здесь и далее фамилия автора (или авторов) знаменитых трагедий и комедий пишется, как принято на языке оригинала – Шейкспир, а фамилия ростовщика, жившего в Стратфорде, так, как он подписывался сам – Шекспир (*здесь и далее – примечания переводчика*).

³ Претендент на английский престол во времена Генриха VII.

⁴ Самозванец, выдававший себя за Эдуарда Уорика, сына Джорджа, герцога Кларенса.

мог взять и начать читать мне Шейкспира, и не мимоходом, а часами, пока стоял на вахте, а я правил судном. Читал он хорошо, однако без пользы для меня, поскольку постоянно вставлял в текст команды. Это всё ломало, путало и перемешивало настолько, что если мы оказывались на каком-нибудь опасном и сложном участке реки, посторонний наблюдатель не мог бы отличить наблюдений Шейкспира от наблюдений Илера. К примеру:

– Что смеет человек, и я посмею⁵! Приблизься ты, чего лежишь на лоте? Да кто тебя учил! Как яростный... трави её тихонько, ещё трави... медведь иль носорог иль... вот, пошла! Встречай её, встречай! Ты что, не знал, что носом в риф воткнётся, если переборщить? Иранский тигр, прими любую форму, и мой бесстрашный дух... мы налетим на мель быстрее, чем ты моргнуть успеешь! Отставить право руля! Даёшь лево руля! Снова право руля!.. Вот так, ты молодец, ложись на правый борт, выравнивай и прямо... не затрепещет: иль оживи и вызов мой прими... проклятье, ты эту тину не можешь что ли обойти? Тяни! Хватай её, хватай, безмозглый!.. мечём твоим, и коль охватит дрожь... лот подбирай!.. нет, только левый, не трогай правый... зови меня девчонкой несмышлёной. Прочь, злая тень!.. О, восемь склянок... похоже, вахтенный опять заснул, сходи-ка кликни Брауна... прочь, жалкая подделка!

Он был определённо хорошим чтецом, вдохновенно волнующим, неистовым и трагическим, но для меня это обернулось уроном, поскольку с тех пор я был уже не в состоянии читать Шейкспира спокойно и в здравом уме. Я не могу избавиться от его взрывных вставок, они вторгаются повсюду с этими неуместными «Какого чёрта ты затеял! Трави! Ещё! Ещё!.. Вот так, теперь держи» и другими беспорядочными переборами, которые то и дело срывались с его языка. Когда я сегодня читаю Шейкспира, я слышу их так же отчётливо, как в то далёкое время... пятьдесят один год назад. Я никогда не считал декламации Илера чем-то образовательным. В моём случае они оказались вредоносными.

Его дополнения к тексту редко улучшали последний, но за исключением этого нюанса, чтецом он был хорошим, этого я у него отнять не могу. Книгами он не пользовался, да и нужды в них не испытывал. Он знал Шейкспира не хуже, чем Евклид знал свою таблицу умножения.

Было ли ему что сказать, этому влюбленному в Шейкспира лоцману с Миссисипи, относительно книги Делии Бэкон? Да. И он говорил, говорил всё время, на протяжении многих месяцев: на утренней вахте, на полуденной вахте, на собачьей вахте⁶ и, возможно, во сне. Он скупал литературу по этому диспуту сразу же, как только она выходила, и мы обсуждали её на протяжении всех тринадцати сотен миль реки по четыре раза за тридцать пять дней – время, требовавшееся скоростному судну, чтобы сделать две полные ходки. Мы обсуждали, обсуждали и снова обсуждали, дискутировали, дискутировали и снова дискутировали. Во всяком случае, этим занимался он, а я иногда вставлял слово, когда он переводил дух, и образовывалась пауза. Спорил он с жаром, энергично, неистово. Я же – сдержанно, с умеренностью подчинённого, который не жаждет вылететь из рулевой рубки на высоте сорока футов над водой. Он был люто предан Шейкспиру и от чистого сердца презирал Бэкон и все эти претензии бэконянцев⁷. Что делал и я... поначалу. И поначалу он был рад такому моему отношению. Обнаруживались даже некоторые признаки того, что его это восхищало. Признаки эти, правда, тускнели за счёт расстояния между его начальственной возвышенностью и моей приниженностью, однако мной они были ощутимы. Ощутимы и переводимы в комплимент, снисходящий откуда-то из-за границы вечных снегов и не слишком оттаявший по пути, во всяком случае, не настолько, чтобы что-нибудь воспламенить, включая даже самомнение лоцмана-молокососа. И всё же комплимент заметный и драгоценный.

---

⁵ Далее неточно цитируется «Макбет» (Акт 3, Сцена 4)

⁶ С 16:00 по 20:00

⁷ Здесь имеет место совпадение в фамилиях: Делия Бэкон была одной из первых, кто стал открыто оспаривать авторство Шекспира из Стратфорда и, в частности, среди многих современных ему авторов указывала на своего однофамильца, Фрэнсиса Бэкона.

Естественно, мне это льстило, и я проникся к Шейкспиру лояльностью в большей степени, если это возможно, нежели раньше, а к Бэкон – большей предвзятостью, нежели раньше, если это возможно. Так мы продолжали спорить, оставаясь по одну сторону, и были счастливы. До поры. Всего лишь до поры. До очень и очень короткой поры. Потом атмосфера стала меняться, стала остывать.

Вероятно, человек более разумный увидел бы причину проблемы раньше, чем я, однако я заметил её достаточно рано с практической точки зрения. Дело в том, что Илер был спорщиком по натуре. А потому довольно скоро он устал спорить с собеседником, который соглашался со всеми его высказываниями и в итоге никогда не провоцировал на вспышку и демонстрацию того, на что он был способен, когда дело касалось ясного, холодного, твёрдого, искрящегося всеми своими гранями бриллианта рассуждения. Это его слова. С тех пор оно – рассуждение – с самодовольством использовалось множество раз в битве между Бэкон и Шейкспиром. На стороне Шейкспира.

Это ещё не Марк Твен, но уже Сэм Клеменс, 1850

Потом случилось то, что случалось не только со мной, когда общественные и личные интересы оказывались в противостоянии, и требовалось сделать выбор: я отринул общественное и перешёл на другую сторону. Не полностью, но достаточно, чтобы ответить на требования момента. Иначе говоря, я занял следующую позицию: я только *верил* в то, что Бэкон писал за Шейкспира, тогда как я *знал*, что Шекспир этого не делал. Илер остался доволен, и разразилась война. Исследования, практика, опыт во владении моим концом данного вопроса вскоре позволили мне принять новую позицию почти серьёзно, чуть позже – весьма серьёзно, ещё позже – нежно, благодарно, преданно, наконец – неистово, фанатично, бескомпромиссно. После этого я уже прикипел к моей вере, теоретически я был готов за неё умереть, и взирал с сочувствием, не чуждым презрения, на всех, чья вера не совпадала с моей. Вера эта, рождённая во мне эгоизмом тех давних дней, остаётся со мной до сих пор, и я нахожу в ней комфорт, утешение, мир и нескончаемую радость. Видите, насколько это любопытно теоло-

гически. «Рисовый христианин» востока проходит те же самые этапы, когда идёт за рисом, а миссионеры – за ним. Он идет ради риса и остаётся на богослужение.

Илер брал на себя большую часть наших «рассуждений», если не все. Рабы его культа обладают достаточной страстью, чтобы называть это таким громким именем. Мы же, другие, не называем наши индукции, дедукции и редукции вообще никак. Они заботятся о том, кто они, а мы можем с безмятежной уверенностью покинуть этот мир, пожаловав им титул по его собственному выбору.

Стоило Илеру прерваться на кашель, я собирал воедино свои индуктивные таланты и сам забрасывал лот противоречия, всегда доводя до восьми футов, до восьми с половиной, часто до девяти, иногда даже на четверть меньше твена, как мне казалось, но всегда «без дна», как выражался он.

Однажды я его превзошёл. Я подготовился. Выписал пассаж из Шейкспира – возможно, тот самый, который процитировал чуть раньше, не помню – и изрешетил его дикими вкраплениями лоцманских прибауток. Безопасная возможность представилась одним погожим летним деньком, когда мы промерили вдоль и поперёк путаницу проходов, известных как «Чёртовы пол-акра», вернулись на борт, и он триумфально протиснул через них «Пенсильванию», ни разу даже не задев песка, а «А.Т.Дэйси» последовал за нами по пятам и застрял, так что Илер чувствовал себя отменно, и я показал ему подготовленный отрывок. Его это позабавило. Я попросил Илера его озвучить: прочтите, прочтите, дипломатично добавил я, поскольку только он умел читать драматическую поэзию. Compliment задел его за живое. И он прочитал, прочитал с непревзойденным огнём и задором, прочитал так, как не прочтёт уже никто и никогда, ибо лишь он один знал, как подбирать правильную музыку под эти громовые вставки и заставлять их звучать как часть текста, так, будто они вырывались из самой души Шейкспира, каждая – золотое вдохновение, которое нельзя опустить, не навредив массивному и величественному целому.

Я выждал неделю, дав этому событию забыться, выждал ещё немного, дождался, когда он созреет для спора и порицания моей любимой мысли, моего любимого аргумента, того, который был мне особенно дорог, который я ставил выше всех прочих среди моих боеприпасов, а именно: Шекспир не мог написать работ Шейкспира по той причине, что человек, их писавший, был бесконечно сведущ в законах, в судах, в судопроизводстве, в юридических экивоках и адвокатских фокусах – а если Шейкспир был одержим бесконечно противоречивой романтикой, лежавшей в основании этого огромного богатства, каким образом он это всё узнал, *откуда* и *когда*?

– Из книг.

Из книг. Всегда одна и та же мысль. Я ответил так, как научило меня отвечать чтение сторонников моего крыла этого великого разногласия: что человек не в состоянии так бойко, легко и успешно пользоваться жаргоном ремесла, которым не промышлял лично. Он допустит ошибку. Он не может и не сможет расставлять профессиональные словечки с безупречной точностью, а в тот момент, когда он чуть отклонится, хоть на йоту, от общепринятой в данной профессии формы, читатель, который этим ремеслом занимался, поймёт, что автор – нет. Илер не соглашался. Он заявил, что человек может узнать, как правильно распорядиться тонкостями, тайнами и масонскими штучками любой профессии путём внимательного чтения и изучения. Однако стоило мне заставить его перечитать тот пассаж из Шейкспира со вставками, он сам осознал, что книги бессильны научить студента сбивающему с толку многообразию лоцманских фраз настолько глубоко и точно, что он мог бы говорить ими как по писаному в пьесе или беседе и не допускать при этом ошибок, которые бы лоцман сразу ни обнаружил. Это был мой триумф. Илер молчал, и я понимал, что происходит: он теряет самообладание. Я знал, что он скоро закончит разговор всё тем же старым доводом, который всегда был его опорой и поддержкой в минуту нужды, тем же старым доводом, на который я не мог ответить... потому

что ответа не существовало: довод о том, что я осёл и мне лучше заткнуться. Он выдвигал его, а я подчинялся.

О, боже, как же давно это было, как трогательно давно! И вот он я, старый, покинутый, несчастный и одинокий, собираюсь снова вынудить кого-нибудь на этот же довод.

Когда у человека страсть к Шейкспиру, не подвергается сомнению, что он водит компанию с другими хрестоматийными авторами. У Илера в рубке всегда лежало несколько перво-сортных книжек, он перечитывал их снова и снова и вовсе не собирался менять на те, что поновее да посвежее. Он хорошо играл на флейте и получал огромное удовольствие от собственного исполнения. Я тоже. Он говорил, что флейта лучше сохраняется, если её разбирать, когда она не на вахте, а потому, когда она не дежурила, то отдыхала разобранная на компасной полке под грудной доской. Когда «Пенсильвания» взорвалась и превратилась в плавучую грудку хлама, обремененную ранеными и умирающими беднягами (среди которых был и мой младший брат Генри), рулевой Браун находился на вахне внизу и, вероятно, спал, так и не узнав, что же его убило. А вот Илер остался цел и невредим. Он и его рубка взлетели в воздух, а потом грохнулись, и Илер провалился в разодранную полость, где когда-то находились штормовой мостик и котельная, и приземлился брюхом в гнездо, образованное останками главной палубы, поверх одного из не взорвавшихся котлов в клубах убийственно горячего пара. Однако пролежал он там недолго. Он не потерял головы: долгое знакомство с опасностями научило его держать её на плечах в любом чрезвычайном положении. Одной рукой он зажал нос лацканами кителя, предохраняясь от пара, а другой шарил вокруг, пока ни нашёл части своей флейты, после чего принял меры, чтобы спастись живым, и преуспел. Меня на борту не было. Капитан Клайневельтер отправил меня на берег в Новом Орлеане. Причина... однако, я уже рассказывал обо всём этом в книге под названием «Жизнь на Миссисипи», да оно и не важно, это ведь было так давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.